

The illustration depicts a dramatic seascape. A large, dark blue-green wave is breaking, creating a massive splash of white foam. In the upper left corner, there are vibrant red flowers. In the lower left, several red rose petals are floating on the dark water. The sky is filled with dark, swirling clouds, and a soft, pinkish light emanates from behind the clouds, suggesting a sunset or sunrise. A semi-transparent white box in the top left corner contains the text '18+'.

18+

Александр Дэсси

Замутненная ретроспектива

Новелла

Александр Дэсси

Замутненная

ретроспектива. Новелла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71699167
ISBN 9785006553033

Аннотация

Новелла «Замутненная ретроспектива» рассказывает о человеке у которого есть все, но в то же время нет ничего. Ему девятнадцать, он бредит, пытается выбраться из всепоглощающего одиночества, справиться со своими психологическими проблемами, зависимостями, наконец найти себя... И однажды к нему приходит решение.

Содержание

1	5
2	8
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Замутненная ретроспектива Новелла

Александр Дэсси

© Александр Дэсси, 2025

ISBN 978-5-0065-5303-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Его одиночество было таким полным под этим прекрасным небом, ласковым, как чистая совесть, среди этой суетливой толпы, что он был ошеломлён, что ещё существует».

– Жан-Поль Сартр

1

С самого детства во мне жили тревога и страх. Я чувствовал, как эта маниакальная составляющая моей сути все более становится непоколебимой. Я боялся слишком многого на свете и больше не мог должным образом справляться с самим собой. Я отчетливо ощущал внутри себя присутствие инородного, гнетущего и вводящего в замешательство. Мне хотелось освободиться, выбраться из этих оков, и однажды ко мне пришло решение.

Мне было девятнадцать лет. Я нигде не учился и не работал. Два года назад меня отчислили из художественного училища с факультета живописи. Если честно, мне было совсем не жаль. Во мне укреплялось чувство, что это совсем не мой путь и не мое призвание. Мои родители были в оцепенении. Явное разочарование проскальзывало в их глазах... Но мне настолько не хотелось заниматься живописью, что для меня отчисление было спасением от самого ужасного на свете — от скуки.

Да, множество людей говорило мне, что я стану знаменитым и успешным художником. Мне настолько часто говорили об этом, что я и вправду поверил. Люди, которые совершенно меня не знали, были склонны идеализировать мой образ. И меня, видимо, это устраивало, раз так долго я нес в себе эту иллюзию идеального сына. Но никто на свете не идеа-

лен и я понимаю, что нести навязанную маску – это намного хуже, чем быть сложным, но настоящим. Ведь я лгал всем вокруг. Я лгал, сам не понимая, как это деструктивно для меня. Да, мне нравилось, когда люди восхищались моими успехами, но в этом было слишком много моего самодовольства и фальши. Я ощущал её внутри себя, словно сгнивший плод, отравляющий мое тело и разум. Но все закончилось, как только меня отчислили.

Моя семья была очень обеспеченной, к тому же я был единственным ребенком и меня весьма лелеяли. Когда меня отчислили, отец хотел в наказание продать мою чудесную квартиру на Невском Проспекте и переселить меня обратно к себе с мамой. Но в итоге, осознав, что так им будем просто невыносимо жить, он оставил все, как есть.

К девятнадцати годам у меня уже были зависимости, приобретенные еще в школьное время: нынче я ежедневно пил джин с тоником, либо белое сухое вино. Выпивал я много, это приносило мне чувство облегчения, особенно после осознания своей бесполезности и никчемности. Глупо, но это так. Внутри меня очень мучила мысль, что я, в конце концов, ничего не сделаю ни для этого мира, ни для своей семьи. Мне не хотелось прожить свою жизнь, так ничего и не поняв, не сделав. Но я не мог взять себя в руки. Мне слишком нравилось пить до рассвета, читать романы, смотреть фильмы и принимать горячие ванны. Просто смотреть, как спокойно течет время. Мне не хотелось выходить за пределы сво-

ей квартиры. Мне было слишком хорошо в этом стеклянном колпаке, чтобы его разбивать.

В подростковом возрасте у меня появились проблемы с психикой. Я был склонен к тревожности, депрессии, мании и суициду. Не сказал бы, что к девятнадцати годам что-то кардинально изменилось, но радовало лишь то, что маниакальное состояние мне достаточно нравилось, пусть я иногда и перегибал палку. Моя одержимость могла касаться и определенных людей в университете, когда я еще учился, и трагически погибших знаменитостей. Я растворялся в чужой жизни и терял свою, но мне это даже нравилось.

Меня всегда притягивали к себе знаменитые люди с трагичной судьбой. Они были словно символами для меня. Я вкладывал в их биографии много личного смысла. Мне казалось, что я их очень понимаю, а будь они живы, то тоже меня бы поняли. Меня цепляло то, что их жизнь была словно греческая трагедия и они ушли, оставив море сомнений и тумана...

Я лежал на ковре в своей большой квартире. Рядом со мной стоял проигрыватель виниловых пластинок, на серебряном подносе – стакан, бутылка джина, тоник и пачка сигарет. На пластинке играли ноктюрны Фредерика Шопена. С раннего возраста я очень их любил, особенно ноктюрн 19, ми-минор. Они всегда меня успокаивали, даруя легкую и приятную меланхолию моей душе. Я выпил глоток привыч-

ного напитка, достал из пачки сигарету, закурил и подумал о своей любви в училище.

Впервые я встретил ее на занятии по истории искусств. Она была неотразима: каштановые волосы, черные глаза и такое же черное облегающее платье-водолазка. Ее бледная кожа и алые губы свели меня с ума до такой степени, что в итоге я не мог думать ни о ком, кроме нее. Все ассоциировалось у меня с ней, и каждый день я шел в училище не потому что хотел учиться, а потому что хотел увидеть ее. Для меня она была радостью, моим главным смыслом... Но в итоге у нас ничего не сложилось: моя любовь была не взаимна, и я пытался смириться с тем, что для неё я лишь ходячая тень и не более.

— Ты меня любишь, но этого недостаточно, — однажды с горечью сказала она и я почувствовал слезы, готовые хлынуть из моих глаз.

После полного осознания невзаимности, у меня пропало всякое желание продолжать посещать училище, ведь это означало вновь ее увидеть и почувствовать нетерпимую жгучую боль. Я утонул в тоске, запивал ее джином и ложился спать.

Любовь никогда не прикасалась ко мне ни от кого, кроме семьи. В какой-то момент я уже с этим смирился и отпустил свою жизнь в свободное падение. Жить без любви человека, в которого ты влюблен, означало для меня не жить совсем и поэтому мне не хотелось больше ничего, кроме сиюминут-

ных удовольствий.

Пластинка в проигрывателе доиграла и остановилась. Я чувствовал себя ничтожно, но выпитый алкоголь все больше туманил мое сознание и понемногу мне становилось все равно. Я знал, что уже вечер и, если я не усну в нужный момент, пока затуманен, то в итоге до утра так и не сомкну глаз. Я буду лежать и думать о том, что с каждым днем все больше утрачиваю смысл своей жизни. Я тону в одиночестве, с ребятами из училища прервал всякий контакт... Что со мной? — спрашивал я себя.

В квартире повисла тишина и я прошел в ванную комнату, выложенную ярко-синей плиткой. Я чувствовал, что трех стаканов джина с тоником было недостаточно, чтобы унять мою боль, потому что по моим щекам стали катиться слезы. Я оцепенел. Мне хотелось кричать от ужаса, который подошел ко мне со спины и схватил за горло. Я не мог дышать, лишь слезы продолжали литься бесконечным потоком. Я чувствовал насколько мне больно просто от того, что я живу. И никакая квартира в центре города и чудесная снисходительная семья, которая пытается меня понять, этого не исправят. Я потерян и слишком ничтожен... Я не верю, что деньги, когда они стали для тебя обыденностью, могут тебя осчастливить. Разве что на миг... А потом все начнётся вновь.

Синий свет струился, словно моя душа превратилась в эту невыносимую синеву. Мне не хотелось бороться, мне не хо-

телось... ничего.

Я прошел обратно в гостиную и схватил бутылку джина. Я открыл ее и стал пить тепловатую жидкость из горла. Мое лицо сморщилось, но я продолжал пить, пока бутылка не опустела. Поставив пустую бутылку на стеклянный журнальный столик, я встал и замер – я смотрел в окно напротив меня. Я почувствовал, как меня накрывает теплая волна. У меня начала кружиться голова и в итоге я еле-еле дополз до спальни, лег в постель и провалился в сон. Мне больше не было больно.

Все мои слова могут показаться лишь жалкой попыткой оправдать свою никчемность и испорченность, свое неучастие в жизни семьи. Но насколько некоторым людям тяжело живется с самим собой. И насколько тяжело живется человеку после лечения антидепрессантами. Я много думал об этом и пришел к выводу, что именно после лечения в подростковом возрасте во мне появилась установка, что в обычном состоянии я себя хорошо чувствовать не могу. Мне нужно что-то, что поможет мне чувствовать себя нормально, и для меня это оскорбительно. Я всегда мечтал о свободе, а в итоге оказался в полнейшей зависимости. Но жить зависимым – это ведь не жить. Пройдет год, два – и родители меня не узнают. Я испорчу им жизнь. Окончательно. Они – люди которые многого добились... И я – жалкое подобие человека.

Я не мог перестать думать. А пока я думал – почва уходила у меня из под ног. Я уже не чувствовал, где реальность, а где

вымысел. Все перемешалось.

Раньше я верил, что жизнь – это особый дар, это то, что нужно ценить и благодарить за нее всей своей душой. Но в какой-то момент я пришел к осознанию, что жизнь для меня стала совершенно другой, словно не живой, и я больше не дорожу ей, как раньше. Она мертва. Все эти тщетные попытки найти причину своей боли, боли, которая несется еще из детства... Я слишком устал от этого, чтобы продолжать думать, думать и думать, не приходя ни к какому выводу.

Наступило утро. Я лежал в постели и чувствовал абсолютное бессилие, словно в моем теле поселилось море паразитов, которые высасывали из меня жизненные силы. Я лежал, а сердце колотилось, колотилось и колотилось. Я взял себя в руки, встал и прошел на кухню с бордовыми стенами. Я налил себе воды и стал пить, наслаждаясь каждым глотком, который помогал мне хоть немного увлажнить свой высушенный рот. Я очень любил чувство жажды из-за похмелья. В этот момент мне было настолько приятно литрами поглощать воду... Похмелье всегда помогало понять, насколько ценной является вода для человека.

Я знал, что весь день проведу дома. Очевидно, это уже стало привычкой. Я прошел в гостиную со стаканом воды и поставил пластинку с джазом в проигрыватель. Голова у меня болела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.